

ГЛАВА 3. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Н.А.Косолапов

Задача всякой науки — как минимум, объяснять свой предмет, его отдельные аспекты; как максимум, указывать на пути и условия перехода от объяснения явления, процесса, эффекта к использованию и знания, и стоящей за ним реальности в каких-то практических интересах человека. Когда отдельные объяснения, охватывающие более или менее широкий круг взаимосвязанных явлений и процессов объективного мира, начинают складываться в некоторую внутренне согласующуюся между собой целостность, говорят о становлении теории; несколько взаимосвязанных теорий, имеющие общий объект и предмет изучения, образуют конкретную научную дисциплину.

Но что значит «объяснение» в международных отношениях? Какие элементы оно включает или должно включать, каким необходимым и достаточным признакам соответствовать? Если скрупулезный анализ позволил нам во всех существенных деталях восстановить и понять внешнюю политику некоего государства (или даже всех важнейших государств) определенного периода, можно ли обретенное понимание считать объяснением международных отношений этого периода? Если можно (на самом деле нельзя!), или если нам удалось каким-то иным образом постичь, скажем, международные отношения Средиземноморья II-I вв. до н.э., то насколько правомерно распространять добытое объяснение на другие регионы и на позднейшие, резко отличающиеся по всем основным признакам периоды? Каковы критерии, позволяющие определять те временные и пространственные пределы, за которыми данное объяснение перестает действовать? Все это применительно к теоретическому исследованию международных отношений пока вопросы без ответов. Но тогда что такое «теория международных отношений»?

Ответы на подобные вопросы всегда лежат на пересечении объекта, субъекта исследования и познания как единства процесса, средств и методов, а также результата обретения опыта, понимания, знания и способности использовать все это в прикладных целях. В данной статье рассматриваются основы познания международных отношений; объект же и субъект такого познания характеризуются лишь в той мере, в какой это абсолютно необходимо для понимания поднятой темы. Не имея возможности подробно разбирать используемые философские и психологические категории, автор вынужден адресовать читателя к соответствующей специальной литературе, энциклопедиям и словарям.

* * *

Из всех качественных признаков международных отношений как явления и их особенностей как объекта познания здесь необходимо выделить четыре главных:

во-первых, их протяженность во времени. Как бы ни определять международные отношения как явление, бесспорно, что какие-то международные отношения сопровождают человека на протяжении всей известной Истории. Опора международных отношений нового и новейшего времени — отношения межгосударственные — по определению существуют столько, сколько институт государства. Учитывая столь уникальную продолжительность международных отношений во времени, можно признать их единым и целостным явлением лишь в том случае, если в международных отношениях всех времен, континентов, народов будет установлено наличие признаков, одновременно и всегда присущих международным отношениям, неизменно в них присутствующих, инвариантных; и принципиально важных для определения природы и сущности международных отношений как явления. Иными словами, социально-историческая суть международных отношений времен Древнего Египта и современного ядерно-компьютерного мира должна быть в основе ее одна и та же. Не аналогичная, в чем-то сходная и т.д., но именно одна и та же: в противном случае неправомерно будет говорить о целостности международных отношений как общественного и исторического явления;

во-вторых, выполнить это условие оказывается очень непросто. По ходу Истории непрерывно развивались количественно и, главное, качественно, все известные нам компоненты и факторы международных отношений как явления: личность и общество, экономика и политика, идеология и наука, культура и религия, военное искусство и все виды обменов и коммуникации, государство и политические институты и системы, сами конкретные международные отношения. Но признак развития сам по себе не является определяющим для международных отношений, поскольку присущ и другим явлениям общественной жизни и истории. Можно ли, однако, найти нечто неизменное в развитии, что служило (могло бы служить) одним из определяющих признаков явления международных отношений? Насколько вообще правомерно рассматривать как целостное явление нечто, все компоненты и факторы которого претерпели, продолжают претерпевать глубочайшие внутренние изменения? Вопросы эти принципиально важны теоретически и методологически для построения любой теории международных отношений;

в-третьих, во все времена и на всех качественно разных фазах и уровнях развития международных отношений неизменно существовали, проявляли себя, эволюционировали и оказывали многообразные социальные влияния как бы в трех временных плоскостях сразу: как нечто историческое, надвременное; как один из важнейших отличительных признаков определенных эпохи, периода, социально-исторического уклада; и как весьма конкретный, уникальный комплекс теку-

щих, современных проблем и отношений международной жизни и мирового развития. Мало есть других сфер жизнедеятельности человека и общества, в которых история, эпоха и сиюминутное переплелись бы столь нерасторжимо в реальном масштабе времени. Исследователь международных отношений оказывается перед труднейшей методологической и теоретической задачей: какой бы период международных отношений он не изучал, возникает проблема вычленения из этого неразделимого комплекса отношений «истинно сегодняшних», текущих;

в-четвертых, самостоятельная, теоретически и методологически важная проблема — пространственные координаты международных отношений. Известно, что всякое явление непременно существует в некоем пространстве; в противном случае оно просто не могло бы состояться. Но что может быть признано пространством международных отношений? Если считать таким пространством неоткрытые, неосвоенные, неподделанные земли, то подобных территорий в мире давно уже нет. Если международные отношения строятся на том же пространстве, что и внутренние, то каковы критерии различения первых и вторых? Наконец, если международные отношения протекают в духовном пространстве (во взглядах, представлениях, культуре и психологии людей), тогда тем более каковы критерии, позволяющие отграничивать международные отношения от всего остального, выделять их в особый тип отношений, в специфическое явление?

Ответы на перечисленные выше вопросы в принципе могут быть (и даются в научной литературе) очень разные. Важно подчеркнуть, что без каких-то ответов на них не могут состояться ни подлинно научная методология исследования, ни теория международных отношений.

* * *

Проблема субъекта познания изучается в философии; однако в приложении к теории международных отношений, насколько известно, даже не ставилась. Но именно тут (а также применительно к теориям мирового и социально-исторического развития) проблема эта имеет особое значение. Что именно принимается за знание; какое мировоззрение служит общей методологической основой получения и развития знания; что и на каком основании принимается за доказательство или воспринимается как заведомо не имеющее доказательной силы; какими представляются людям причинно-следственные связи явлений — ответы на эти, важнейшие для методологии и теории любой системы знания вопросы решающим образом зависят от духовно-исторического уровня развития субъекта познания.

Проиллюстрируем сказанное одним примером. Существует, как минимум, два исторически полярных типа сознания (со множеством градаций между ними): религиозное и научное. Первое приписывает все причинно-следственные связи проявлениям субъективного, притом высшего начала — воле Божьей, Провидению. Второе видит комплекс типов причинно-следственных зависимостей (линейные, веро-

ятностные и много-многозначные) и задается вопросом, полон ли этот перечень и какие механизмы «включают» в конкретных обстоятельствах тот или иной из типов. Религиозное сознание считает «знанием» откровение, приходящее в моменты религиозного озарения, экзальтации. Причем за доказательство подлинности откровения принимается сам способ его обретения; факты же реальной жизни чаще всего не имеют вообще никакого отношения ни к содержанию откровения, ни тем более к обоснованию или отрицанию его религиозной истинности (почему и оставались неизменно тщетными все попытки «доказать» верующим, что «Бога нет»). В научном сознании статус «знания» завоевывается многократными подтверждениями опыта и соответствием аргументации принятой логической системе. Интереснее всего то, что культуры, даже не дошедшие до появления самого понятия науки, обнаруживают высокую жизнестойкость и способность справляться с повседневными задачами (хотя, конечно, не могут дать промышленного и духовного развития европейского типа, почему и считаются «примитивными»). Ясно, что столь разные типы сознания будут совершенно по-разному воспринимать, объяснять, истолковывать одни и те же международные отношения.

Субъект познания международных отношений как явления не может отождествляться с отдельным исследователем или даже со всей их совокупностью, сколь бы многочисленна она ни была. Явление столь огромной протяженности во времени может изучаться только человеком как родовой единицей. А потому неизбежен и важен вопрос, как сам человек менялся на протяжении подобного изучения: качественные перемены в его психике и сознании, во внутренней организации его мыслительных возможностей и способностей оказываются в историческом масштабе времени определяющими для хода и направленности, средств и методов, результатов и смысла процесса познания. Наиболее значимыми с точки зрения нашей темы оказываются при этом такие духовно-исторические характеристики субъекта познания, как присущие ему тип сознания и структура мышления; диапазон и качество доступных ему ассоциаций; место и роль, занимаемые в содержании его сознания компенсаторикой и ее духовными продуктами, а также степень осознанности этого явления.

Тип сознания и структура мышления определяются по шкалам «дорелигиозное-религиозное-преднаучное-научное»; преимущественно эмоциональное или рациональное; бесструктурное, художественно-образное или систематизированное; ассоциативное или логическое.

Диапазон и качество доступных ассоциаций задаются сочетанием типа сознания и структуры мышления с объемом и содержанием как собственного жизненного опыта, так и усвоенных знаний. Дело в не количестве возможных ассоциаций (оно у человека древности могло быть весьма значительным), но в тех эмоциональных и рациональных связях, которые при этом устанавливаются, делая более вероятными одни типы, шаблоны поведения и блокируя, исключая другие. (Так, в Древнем Риме были все материалы и технологии, необходимые для

изготовления фонографа, который донес бы до нас голос Юлия Цезаря или Брута; не было и не могло быть, однако, идеи волновой природы звука, без чего не может возникнуть и «концепция звукозаписи».)

Место и роль компенсаторики, мера ее осознания субъектом — производны от типа сознания, структуры мышления, числа и качества ассоциативных рядов субъекта познания. Психика (индивидуальная и общественная) не может обойтись без различного рода компенсаций. Проблема заключается, во-первых, в их относительных объеме, месте и роли в функционировании соответствующих психологии и сознания; а во-вторых, в том, сознает ли сам субъект, что какие-то действия (и какие именно) он предпринимает в порядке психологических компенсаций. Даже наши современники и даже в личной их жизни не всегда способны отдавать себе отчет в глубинных причинах своих слов и поступков. В общественных же психологии и сознании нормой является положение, когда духовные продукты компенсаторики (идеи, книги, концепции, публицистика, политические и общественные учения, продукты художественного творчества и т.д.) принимаются как самоценность, всерьез (для сравнения: любясь в музее даже реалистическими картинами художника, мы уже не воспринимаем их как документальное отражение действительности или как технический проект; в общественных науках, политике «ван-гог» или «врубель») сплошь и рядом принимаются пока еще за руководство к действию).

Естественно и закономерно, что международные отношения как уникально сложный объект познания открывает богатейшие возможности для проявлений всех духовно-исторических особенностей субъекта познания. Что, в свою очередь, находит отражение в содержании и причудах эволюции взглядов на природу, содержание, развитие международных отношений как явления и как конкретной системы политических взаимодействий.

* * *

Эпистемология — раздел философии, занимающийся проблемами теории познания: анализом природы познания как явления, изучением предпосылок возникновения познания как практического процесса, закономерностей его эволюции, природы и сущности знания как явления, соотношения познания и знания, реальности и знания, условий достоверности знания, поисками определения и критериев того, что вообще следует считать знанием.

Современное понимание знания выделяет в нем прежде всего его многоуровневый характер и сложнейшую систему связей с реальностью (объективным, внешним по отношению к человеку миром) и внутренним миром человека — его психикой и сознанием. Различные уровни знания включают непосредственный индивидуальный и социальный опыт и опыт опосредованный, всегда социальный; знания художественные (эстетическое освоение действительности) и эмоциональные как их основу; донаучные и научные (последние делятся на

эмпирические и теоретические). Никакое знание к тому же не рождается сразу: ему неизбежно предшествует период накопления, осмысления информации и опыта, систематизации фактов, оценок, мнений и взглядов, их неоднократное переосмысление. Все это сопровождается сомнениями, выдвижением априорных идей, предположений, концепций, в науке — гипотез. Знание (при всей его относительности) — продукт этого процесса, продолжительность которого (от вопроса до формулировки такого ответа на него, который может быть признан за «знание») определяется прежде всего тем, за какой срок при данном уровне развития общественного сознания, наличия других общих познаний, при используемых методах и средствах сбора и оценки информации может быть получен ответ на поставленный вопрос.

Ясно, что на одни вопросы ответы могут быть получены почти мгновенно; поиск ответов на другие может занять недели, месяцы, годы; на третьи — десятилетия и века; четвертые же принадлежат к категории «вечных». И на протяжении всего, измеряемого нередко продолжительностью жизни многих поколений людей, времени, пока ответы на поставленные вопросы нет и/или предлагаемые ответы еще не достигли признания и статуса «знания», бок о бок с полезными наблюдениями, ценными гипотезами, правильными предположениями, верными интуитивными догадками и прозрениями существуют гораздо более многочисленные заблуждения, иллюзии, ложные учения — а главное, упомянутые выше духовные продукты индивидуальной и социально-психологической компенсаторики, агрессивности которых нет равных именно потому, что ее требуют законы психологии. На протяжении всего этого времени нет или практически нет никаких объективных мер, критериев, ориентиров, которые позволили бы как можно раньше разделить зерна истины и плевелы невежества. Кроме того, на протяжении всего этого времени человек со свойственными ему пылом, энтузиазмом, вдохновением искренне и истово верует в каждое очередное свое духовное, интеллектуальное открытие, часто абсолютизирует его, искренне не подозревая, что на самом деле оно — в лучшем случае добросовестное заблуждение.

К теории познания международных отношений все перечисленное имеет самое прямое и непосредственное отношение. По их социальным масштабам, продолжительности во времени, по связи с Историей и основополагающими, принципиальными вопросами теории общественных наук международные отношения, особенно в последние 250 лет, занимают уникальное место в духовной жизни людей, в процессах поиска и обретения знания, в содержании того, что ныне считается знанием и/или является таковым. Отсюда — теснейшая взаимосвязь политики и философии, международных отношений и философии. Не случайно с рубежа 80-х годов, когда стали рушиться привычные, само собой разумеющиеся ранее представления, многие отечественные обществоведы обратились прежде всего к философии.

Последняя — особая сфера. Философия — скорее, состояние и склад сознания, разума, нежели знание как таковое. Психология фи-

лософии еще ждет своего исследования (подобно тому, как есть исследования по психологии религии или дорелигиозного сознания). Философия возникает, когда человек знает уже достаточно много, чтобы быть не только в состоянии, но и вынужденным задаваться самыми сложными на достигнутом уровне познания вопросами; но когда имеющихся знаний и средств их добывания еще заведомо и далеко недостаточно для получения ответов на такие вопросы, а потому место ответов вынужденно занимают гипотезы и априорные концепции макро- и мегаровней пространства, времени и социальных явлений и процессов. Если и когда такие гипотезы доказывают со временем свою правоту, на их основе формируются, отпочковываясь от философии, специализированные области знания — науки. Сама же философия с течением времени все более тяготеет к превращению в процесс и результат самопознания сознания и психики, в своего рода науку самопознания. Тем не менее, каждая наука неизменно и сама вынужденно задается подобными же центральными для нее — а потому и самыми трудными — вопросами собственной методологии и теории. Соответственно, говорят о философии науки, философии общественных наук, частью последней можно полагать и философию международных отношений.

Даже беглый взгляд на историю философии и науки о международных отношениях обнаруживает, как менялась психология их познания. Философы античности полагали знание копией предмета и обращали главное внимание на поиск средств и механизмов «точного» перевода предмета в такую копию. Их интересовали прежде всего соотношение и взаимосвязь знания и мнения, истины и заблуждения. Средневековье, долгий период засилья клерикализма с его верой во всемогущество Провидения, отбросило подобные поиски по причине их не только бесплодности (разрешить проблемы в античной их постановке было все равно невозможно), но и реальной вредности: как иначе прожил бы человек долгие столетия, нуждаясь в ответах, но не имея возможности их получить? Вера в волю Господню в этих условиях объективно была тем психологическим механизмом, который раскрепощал повседневное поведение, открывал дорогу к накоплению опыта и его последующему осмыслению. Но уже с XVII в. успехи естественных наук возвращают в европейское мышление и философию поиск «абсолютно достоверного знания». Подобная психология до сих пор доминирует на уровне бытового и массового сознания.

Рационализм европейской и американской культуры, философской и общественной мысли сильнейшим образом повлиял на ранние идеи в сфере международных отношений. Родившись в XVII-XVIII вв. как производное от «механического» (физика) и «математического» естествознания, став попыткой прямого переноса психологии и методов естественных наук на все остальные сферы познания и практики, рационализм сыграл определяющую роль в становлении нормативного подхода к международным отношениям — подхода, сохраняющего свое научное и духовное влияние и поныне.

Между тем, в тех же XVII-XVIII вв., параллельно рационализму и как антитеза ему, в европейской культуре, философии и сознании развивалось и другое направление — эмпиризм, в центре внимания которого оказались взаимоотношения и взаимообусловленность чувственного и разума, эмпирического и рационального; проблема логического обоснования (по существу, предпосылок психологической приемлемости) знания; а главное, значение внутреннего, духовного опыта человека в обретении, содержании, истолковании знания. Лишь во второй половине XX в., с развитием информатики, психологии и поведенческих наук долговременное значение эмпиризма становится признанным и оцененным.

Эмпиристы изначально адресуются к центральному для всех общественных наук, включая и теорию международных отношений, вопросу: насколько допустимо методологически и возможно практически распространять на объяснение «поведения человека» (в самом широком смысле: от поведения отдельной личности до хода Истории в целом) принципы, подходы и методы, принятые в естественных науках. Если считать подобное недопустимым, то чем заменить и/или дополнить такие принципы, чем общественные науки отличаются от естественных, можно ли считать общественные учения наукой и что такое вообще наука. Теоретическая и методологическая сложность заключается в том, что человеку, во-первых, свойственно научение, способность менять с опытом свои представления и поведение. А во-вторых, он обычно как-то интерпретирует поведение собственное и других людей и строит свои действия сообразно такой интерпретации. В сфере международных отношений обе эти особенности проявляются весьма сложным и причудливым образом, а потому проблема «что считать объяснением, знанием» стоит тут особенно остро.

К настоящему времени в философии общественных наук сложились (и распространяют свое влияние также на философию и теорию международных отношений) три основных направления в решении этой центральной проблемы эпистемологии. Последователи рационализма полагают, что следует искать и в конечном итоге можно будет найти какое-то объяснение (сумму, комплекс, систему объяснений) поведению человека и всем социальным процессам. Адепты философии и методологии марксизма доводят эту точку зрения до крайности и уверенно отстаивают тезис о наличии неких закономерностей общественных явлений и социально-исторического процесса, хотя на практике подменяют открытие этих закономерностей нормативным гипотезотворчеством (по-своему весьма интересным, способствующим развитию общественной и научной мысли, социально-политической практики). Последователи же эмпиризма отстаивают необходимость понимания другого субъекта, его мыслей, действий, поведения — примерно так же, как актер, входя в роль, стремится представить себе своего персонажа, понять особенности его психики, мотивы его слов и поступков.

Различие между тремя подходами можно проиллюстрировать на следующем примере. Рационалист, объясняя возникновение и ход

«холодной войны», будет искать причины ее в неких инвариантах системы международных отношений: геополитических факторах, логике «политического реализма», балансе сил и т.п. Для него «холодная война» лишь один из частных случаев всего перечисленного: таких или подобных им «холодных войн» было в истории множество и еще будет не меньше, они производны от устройства и функционирования самой системы международных отношений. Хотя, конечно, отличие «холодной войны» 50-80-х гг. XX в. — наличие в мире ядерного оружия, не существовавшего ранее. Для марксиста «холодная война» не более чем проявление социально-исторических закономерностей, в данном случае материализующихся в противоборстве двух систем. То есть она выступает как явление, производное от мирового развития, а не от системы международных отношений — хотя марксист не станет отрицать роли всех остальных факторов: системы международных отношений, ядерного оружия, персональных особенностей политических лидеров стран-оппонентов. Эмпирист же добросовестно постарается войти в положение как США, так и СССР, лидеров и элит двух государств и двух блоков, увидеть события как бы изнутри, глазами каждого из их участников. Для него, таким образом, «холодная война» будет единственным и неповторимым, уникальным эпизодом Истории: другой такой войны не могло быть раньше и не сможет возникнуть никогда впредь. Аналогии возможны, точное повторение исключено в принципе. Самое интересное, что каждый из троих в чем-то по-своему прав.

Практическое различие трех направлений становится наиболее зримым и принципиально важным, когда речь заходит о выборе методологии и методов исследования международных отношений и об отношении к методу вообще как средству добывания и верификации знания. Сами методы при этом могут быть весьма схожими или даже одними и теми же. Важно именно отношение к ним.

Рационалист боготворит метод, видит в нем единственно возможное и допустимое для науки средство обретения и проверки истинности знания; предельно придирчив к чистоте метода и потому предпочитает методы объективные, количественные. Парадоксально, но по этим самым причинам он способен легко отказаться от таких методов вообще (если должного, по его мнению, метода не создано или же применимость метода в конкретном случае вызывает серьезные возражения) и заменить их нормативным гипотезотворчеством, лишь бы в последнем выдерживались требования формальной логики.

Для марксиста главное — методология, под которой обычно понимается сплав диалектики, материализма и исторического подхода (в том смысле, какой вкладывался в эти понятия на рубеже XIX-XХ вв.). Если «методологии» в его глазах ничто не грозит, марксист в принципе готов принять любой конкретный метод исследования, коль скоро его применение в данном случае обосновано. С середины 70-х гг. в бывшем СССР, а ныне и в КНР (труды одного из теоретиков китайских реформ Ву Чже) развивается любопытный

синтез марксизма и системного подхода, о научных итогах которого применительно к теории международных отношений говорить пока преждевременно.

Для эмпириста метод вообще не имеет значения: главное понять другого, войти в его положение, проникнуться его представлениями, чувствами, отношением к происходившему или происходящему. Годится любой метод (включая полное его отсутствие), коль скоро он решает названные задачи. Для изучения одной и той же проблемы, ситуации одному ученому предпочтительнее один метод, другому — иной, третьему — какое-то их сочетание; выбор за самим исследователем, а потому метод для эмпириста всегда субъективен.

* * *

Смысл обращения науки к методу и методологии в том, чтобы по возможности придерживаться определенных достаточно строгих правил и приемов, во-первых, исследования изучаемых явлений и процессов; во-вторых, размышления над итогами наблюдений, опыта и вывода на их основе неких умозаключений; и в-третьих, пересмотра ранее сформулированных положений и выводов (будь то в сторону отказа от них, их частичной корректировки или дальнейшего развития). Только наличие таких правил и их строгое соблюдение делают сравнимыми, совместимыми, взаимопроверяемыми результаты всего множества отдельных наблюдений, исследований, размышлений, открывая тем самым возможность для формирования науки как системы выверенного определенным образом знания, способного неограниченное число раз и с высокой надежностью обеспечивать получение предсказуемых, однообразных результатов своего применения в сходных условиях. Наличие и использование таких правил дают также возможность в принципе оценить (иногда весьма точно) вероятные погрешность или ошибку наблюдения, опыта, эксперимента и тем самым указать на пределы (диапазон) надежности полученного знания. Если бы каждый исследователь придерживался во всем перечисленном своих собственных принципов и правил, человек, конечно, обрел бы набор разрозненных знаний и представлений (в том числе и истинных), но целостных наук такие знания бы не образовывали (как не произошло этого в тех культурах, где наблюдения и размышления над природой мира и вещей по разным причинам не были своевременно подкреплены формированием философии как прародительницы методологии).

Имевшее одно время широкое хождение представление, будто каждая наука имеет собственный метод, возможно, годилось для того времени, когда количество наук, и методов было весьма невелико, а междисциплинарные исследования не стали еще магистральным направлением развития науки. Начиная со второй половины XX в., нормой становится положение, когда каждая наука имеет в своем распоряжении арсенал собственных методов и при этом расширяет еще и круг тех, которые может заимствовать для решения определенных

классов задач из смежных (а нередко и очень далеких) сфер знания. В наше время метод, скорее, подобен сети, конфигурация, крепость и размер ячеек которой выбираются в зависимости от того, на кого предположительно ставится сеть.

Понятие «метода» находится в едином понятийном ряду с такими категориями, как «метод-методология-методика-техника эксперимента (исследования)». Единство ряда указывает на наличие общностей у всех входящих в данный ряд понятий; многочисленность же последних — на наличие также и принципиально важных различий.

Методом принято считать совокупность приемов и операций, при помощи и посредством которых осуществляется какая-либо конкретная практическая и/или теоретическая деятельность. Метод проистекает из практики: соприкасаясь с действительностью, человек задолго до появления науки вынужден был отыскивать приемы, которые позволяли бы ему достаточно уверенно получать необходимый или желаемый результат. Метод опирается на достигнутое ранее и становится исходным пунктом и условием последующих практических действий и размышлений (не обязательно научно-теоретических). Так, уверовав в Бога, человек оказался перед необходимостью наладить с Ним «рабочие» отношения, а для этого как-то разобраться, что нравится или может понравиться Богу, а что способно вызывать Его гнев. Тем самым фактически был запущен процесс познания — за тысячи лет до того, как он смог привести и привел к появлению абстрактных мысли и понятий, а позднее и науки. Сумма фактически использовавшихся человеком методов предшествовала методологии как учению о методе.

Понимание метода остается весьма широким. О методе говорят применительно к фазе процесса познания (методы эксперимента, обработки эмпирических данных, построения научной гипотезы и/или теории, верификации теории, изложения научных результатов); делят их на философские и специально-научные; различают качественные (описательные) и количественные; подразделяют по типу причинности на однозначно-детерминистские, вероятностные, много-многозначные. Современные науки на определенном этапе своего развития проводят глубокую философскую и практическую ревизию всех используемых ими методов, что является обычно принципиально важным шагом в росте самосознания и самопознания данной науки, ее возможностей. Наука о международных отношениях, резко расширившая с начала 60-х годов арсенал своих методов, объективно стоит сейчас перед потребностью и перспективой такой ревизии.

Под методологией в современной науке и теории познания понимаются, во-первых, учение о системе принципов и способов организации какой-либо сферы деятельности (как теоретической, так и практической); а во-вторых, конкретные набор, комплекс, система конкретных принципов и способов организации данной деятельности. В последнем смысле одинаково правомерно говорить не только о методологии науки, но и о методологии обучения, политической деятельно-

сти, аппаратной работы, разведки, журналистики и т.д. При этом тот факт, является ли конкретная совокупность принципов и способов организации данной деятельности набором, комплексом или системой, служит принципиально важным указанием на уровни специализации и развития соответствующих сферы или вида деятельности: набор обычно свидетельствует об этапе ее становления, система — об уже высокой развитости.

Применительно к теоретическому изучению международных отношений правомерно пока говорить о завершении в общем и целом формирования комплекса методологических приемов и средств этой науки и появлении (но не более, чем появлении) первых признаков начинающейся качественной трансформации этого комплекса в систему. Ранее накопленное знание и его организация образуют одну из важнейших частей методологии; поэтому отсутствие у науки ее собственной общей теории объективно препятствует формированию системности методологии этой науки.

Если метод складывался в практике и даже науке стихийно, то методика — следствие научного осмысления метода как явления, а также совокупностей конкретных методов и опыта их использования. Методика суть искусственно создаваемый (на базе общей методологии и теоретико-методологических положений конкретной науки) комплекс методов, предназначенный для решения определенного класса задач (как правило, особо важных и/или наиболее часто повторяющихся) с тем, чтобы обеспечить высокую степень стандартизации множества конкретных исследований во всех их составных частях, а тем самым и высокую стандартизацию получаемых результатов, определение их вероятностных характеристик для дальнейшего использования таких результатов в фундаментальной, прикладной науке и практике.

В области теории международных отношений методик в строгом смысле слова пока не существует (поскольку неясны критерии стандартизации), но попытки их создания предпринимаются давно и целеустремленно. Ближе всего к методикам в строгом смысле этого понятия подходят исследования, авторы которых ставят целью выявление объективных, по их мнению, количественных характеристик явлений международного конфликта и войны (проект «корреляты войны», осуществляемый Д.Сингером с середины 60-х гг., и направление «корреляты конфликта»).

Наконец, техникой исследования и/или эксперимента называют обычно совокупность предельно конкретных приемов и методов, характеризующих данное исследование во всех его частях, а также специфические средства и способы получения, сбора, обработки ключевой для данного исследования информации. В таком смысле нет и не может быть исследования, которое не обладало бы собственной техникой (что справедливо для всех работ по теории международных отношений). Уровень развития каждой науки, однако, диктует свой минимум стандартных требований к организации и проведению исследования, эксперимента. И в этом смысле эксперимент в исследо-

вании международных отношений вообще невозможен, а каких-либо стандартов в отношении организации и проведения конкретного исследования (кроме самых общих, действующих во всех сферах науки) пока не существует. И это также подтверждение того, что наука о международных отношениях лишь вступает в стадию формирования своей теории в строгом смысле этого понятия.

Методологическую базу современной науки о международных отношениях образуют, таким образом, общенаучные принципы и положения науки методологии, а также широкий спектр исторически сложившихся методов, пришедших в теорию международных отношений как из других наук, так и из практики.

Различают методы формальные и неформальные, причем вторые стали выделяться как класс методов только с конца 60-х гг., после широкого вторжения в науку о международных отношениях первых.

Под формальными методами понимают в узком смысле применение формальной логики и математического аппарата к изучению и/или объяснению международных отношений в целом либо их отдельных явлений и процессов; в широком смысле — вообще достаточно дисциплинированное и жесткое использование в методике исследования четко определяемых понятий и категорий, понятийных рядов, уровней описания, сравнения и т.п.

Под методами неформальными понимают те, что обходятся без перечисленных выше особо жестких самоограничений, хотя и следуют каждый своим правилам и принципам. Именно эти методы исторически легли в основу современной науки о международных отношениях. В силу их относительно свободного характера каждая из групп неформальных методов может включать значительное число более частных методов и методик.

Ведущее среди неформальных методов место исторически безусловно принадлежит историко-описательному методу, сущность которого понятна из названия. Он — основа истории дипломатии, международных отношений и внешней политики отдельных государств, многочисленных работ по анализу явлений и процессов текущей международной жизни. Его разновидностью является политико-описательный метод, по существу, часто сводящийся к реферированию документальных источников. В то же время оба описательных метода нельзя недооценивать: они дают ту первичную фактологическую информацию, лишь на которой и могут основываться все последующие теоретические построения. Ясно, что полнота и качество такой информации решающим образом определяют ценность ее последующих анализов и интерпретаций.

Весьма существенное место в науке о международных отношениях принадлежит также двум родственным — нормативно-идеологическому и нормативно-гипотезотворческому методам. Первый выводит положения науки о международных отношениях из той или иной идеологии, либо не сознавая этого, либо сознавая, но будучи неколебимо уверен в собственной правоте (этот метод дал концепции

«политического реализма» и геополитики). Второй следует логике разума, а не веры: сознавая дефицит эмпирического и/или теоретического материала, он компенсирует его выстроенными на базе тех или иных концепций гипотезами, отдавая при этом себе отчет в возможных издержках такого подхода (концепции внешней политики государств, концепции международной интеграции).

Интуитивно-логический и формально-логический методы едины в стремлении руководствоваться логикой, но отдают предпочтение различным ее видам. Второй, как следует из названия, опирается на логику формальную (распространенный в исследованиях международных отношений вариант — на логику права). Первый же руководствуется, скорее, тем, что на момент проведения исследования принято считать «здоровым смыслом», «само собой разумеющимся» — в науке, политике, массовом сознании (что не одно и то же и может даже противоречить друг другу). Этот метод иногда очень трудно отличить на практике от нормативно-гипотезотворческого.

Еще одну группу родственных неформальных методов составляют операционально-прикладной и аналитико-прогностический. При многих различиях их объединяет нацеленность на решение прикладных задач и получение результатов, которые могли бы найти прежде всего прямое политическое (и не обязательно теоретическое) применение. К операционально-прикладным можно отнести разные методы анализа ситуации (простое и включенное наблюдение, изучение документов и объективных материальных источников, сравнительный анализ); методы анализа содержания (контент-анализ, анализ событийных данных, когнитивное картирование), методы анализа вариантов поведения (имитации, ситуационные анализы, деловые, штабные и стратегические игры).

Аналитико-прогностические методы нацелены на прогноз более сложных, чем отдельные ситуации и варианты поведения, процессов и явлений: динамики международной системы в целом, ее отдельных географических и проблемных направлений и т.д. Сама прогностика — одна из наиболее динамично развивающихся сфер методологии, в ней исключительно много дискуссионного. В последние годы получают признание и распространение такие интересные теоретические ее ответвления, крайне важные для изучения международных отношений, как альтернативистика (вероятные и/или возможные реально исполнимые варианты будущего), ретроальтернативистика (реально возможные, но упущенные варианты прошлого). С точки зрения ценности практической отдачи пока лучше всего зарекомендовали себя сценарный метод (построение сценариев гипотетического хода развития событий и выдача принципиальных рекомендаций на случай материализации каждого из сценариев) и методы экспертного анализа (мозговая атака, метод «дельфи», др.).

На стыке традиционных неформальных и широко понимаемых формальных методов расположился с конца 60-х годов системный подход. Это направление принадлежит к числу наиболее интенсивно

развивающихся в науке, многое в нем пока остается дискуссионным. Родившись в биологии, быстро и продуктивно акклиматизировавшись в кибернетике, системный подход по мере наступления компьютеризации начал агрессивное и в высшей степени успешное вторжение во все сферы теории и практики, не миновав и исследования международных отношений.

Явление научной и политической моды распространено не менее, чем моды на одежду, виды отдыха или дизайн автомобиля. Благодаря ему в науке о международных отношениях утвердился к настоящему времени широкий спектр понимания системы: от банального «все со всем взаимосвязано» до осознанного, принципиально разного видения разных типов систем. В числе последних выделяются:

— система как комплекс «взаимодействий в одной плоскости» (концепции «баланса сил», геополитики);

— система как иерархический комплекс взаимосвязей единого целого (практический вариант — анализ процессов принятия решений во внешней и общей политике, государственном управлении, военной сфере, вопросах безопасности; анализ процессов формирования и осуществления внешней политики государства и т.д.);

— система как многоуровневый комплекс взаимодействий ряда (множества) иерархических комплексов-субъектов международных отношений (концепции интеграции, стабильных структур международных отношений, взаимозависимого мира);

— система как процесс формирования новой иерархической целостности из относительно более простых (но все же внутренне достаточно сложных) целостностей «низших» порядков (концепции мирового сообщества, «глобальной деревни» и т.п.).

Наконец, сплав идеи системности с концепциями эволюции и развития естественно и закономерно приводит к постановке проблемы самоорганизации систем (синергетики) — ее природы и причинности, движущих сил, предпосылок начала и критических точек («точек бифуркации», в которых зарождаются последующие глубокие кризисы, мутации и трансформации уже существующих систем. Именно тут легко узнается наиболее важный и потенциально продуктивный «стык» международных отношений (и их теории) со сферами внутренней эволюции субъектов международных отношений, их внешней политики, а также с ходом и промежуточными результатами процессов мирового развития. Марксистская мысль поставила эти вопросы еще полтора столетия назад, но не могла решить их на базе знаний того времени. Современные общественные науки, прежде всего теория международных отношений, возвращаются к их постановке, но уже на принципиально иной теоретической и методологической основе.

К числу узко понимаемых формальных методов относятся прежде всего модели международных отношений в целом и/или отдельных их граней, явлений. Построение моделей считается относительно новым направлением в методологии и до сих пор принадлежит к числу так называемых «модернистских», хотя самая первая модель в

области международных отношений, до сих пор сохраняющая свою теоретическую, методологическую и практическую ценность — модель гонки вооружений Л.Ричардсона, — была создана вскоре после окончания Первой мировой войны. Построению моделей принадлежит в теории международных отношений, несомненно, большое будущее, особенно в сочетании с научными методами построения макрогипотез, методами прогностики. Имеющийся в этой сфере опыт свидетельствует — всякая модель может быть создана лишь на базе соответствующих теории и/или гипотезы. Корректно выстроенная модель способна в принципе подтвердить, скорректировать, опровергнуть теорию. Она, однако, не может сама по себе такую теорию создать, особенно «на пустом месте» (на что надеялись отдельные энтузиасты этого метода на стадии его первого соприкосновения с изучением международных отношений в 60-е гг.). Но моделирование (прежде всего теория игр и основанные на ней методики) показало свою ценность и полезность в подготовке и обучении кадров, их специальных тренировках.

Чисто количественные (статистические) методы в приложении их к изучению отдельных областей международных отношений (войны, конфликты; материальный потенциал государств) пока не дали впечатляющих результатов. Как отмечается в литературе, связано это с отсутствием общей теории измеряемых явлений и процессов; трудностями измерения или даже принципиальной неизмеримостью многих важнейших их характеристик; сложностью взаимосвязей между внешними проявлениями и сущностными аспектами явлений и процессов международной жизни.

По теме может быть рекомендована следующая литература:

- Барг М.А.* Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987;
Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социальных нововведений М., 1993;
Коллингвуд Д. Идея истории. М., 1986;
Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе. М., 1994;
Кун Т. Структура научных революций. М., 1977;
Научный метод // *Thesis* (Спецвыпуск альманаха). Том II. Вып. 4. М., 1994;
Новиков Г.Н. Теории международных отношений. Иркутск, 1996;
Панарин А.С. Философия политики. М., 1996;
Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения. М., 1976;
Поздняков Э.А. Философия политики. В 2-х тт. М., 1994;
Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ. М., 1976. Главы III, IV;
Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М., 1991;
Цыганков П.А. Международные отношения / Учебное пособие. М., 1996. Главы III, IV;

- Cioffi-Revilla C.* The Scientific Measurement of International Conflict // A Handbook of Datasets on Crises and Wars, 1495-1988. Boulder; London, 1990;
- Doyal L., Harris R.* Empiricism, Explanation and Rationality. L., 1986;
- Feyerabend P.K.* Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. L.; N.Y., 1993;
- Groom A.J.R., Light M. (eds)* Contemporary International Relations: A Guide to Theory. L.; N.Y., 1994;
- Haglund D., Hawes M. (eds)* World Politics: Power, Interdependence and Dependence. Toronto, 1990;
- Hollis M., Smith S.* Explaining and Understanding in International Relations. Oxford, 1991;
- Knorr K., Rosenau J. (eds)* Contending Approaches to International Politics. Princeton, 1969;
- Knutsen T.L.* A History of International Relations Theory. Manchester, 1992;
- Most B.A., Starr H.* Inquiry, Logic and International Politics. Columbia, S.C., 1989;
- Olson W.C., Groom A.J.R.* International Relations Then and Now. L., 1992;
- Reynolds C.* The Politics of War: A Study of the Rationality of Violence in Inter-State Relations. Hemel Hempstead, 1989;
- Reynolds C.* The World of States: An Introduction to Explanation and Theory. Aldershot, 1992;
- Singer J.D. (ed)* Quantitative International Politics: Insights and Evidence. N.Y., 1968;
- Singer J.D., Diehl P.F.* Models Methods and Progress in World Politics. Beverly Hills, 1990;
- Singer J.D., Diehl P.F. (eds)* Measuring the Correlates of War. Ann Arbor, 1990;
- Warren D.M., Slikkerveer L.G., Brokensha D. (eds)* The Cultural Dimension of Development: Indigenous Knowledge Systems. L., 1995.